

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СИНТАКСИЧЕСКИМ СТРОЕМ
РОМАНА „ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН“

(О смене временных планов и средствах его
выражения в пушкинских описаниях)

Как неоднократно отмечалось, Пушкин «особенно остро и отчетливо переживает время — реальное и историческое. Чувство времени является преобладающим. Бег времени интенсивно ощущается всем существом поэта».¹ Поэтому и «описания» у Пушкина не бывают статичны. Для описательных контекстов и в лирике Пушкина, и в романе «Евгений Онегин» характерна смена временных планов, осуществляемая переходом от одних форм времени в сказуемых, живописующих прошлое, к другим, изображающим настоящее в его непосредственном течении или в его широком охвате в направлении из прошлого в будущее. В этот широкий план настоящего входят не только формы настоящего времени, но и форма прошедшего совершенного с перфектным значением. И именно эти последние формы сообщают временному плану настоящего его динамичность. «Настоящее время, — писал В. В. Виноградов в одной из своих работ, — лишено движения. Лишь в синтагматике речевого процесса, в смене глагольных форм, в их движущейся веренице настоящее время приобретает динамическое значение». И в противоположность настоящему времени форма прошедшего времени совершенного вида как бы внутри себя содержит кинетическую энергию. «Ведь представление результата действия в связи с идеей самого процесса уже само по себе заключает обращенность к предшествующему и направленность к последующему: результат в прошедшем времени совершенного вида мыслится динамически как отправной пункт для нового действия».²

В настоящей заметке мы ставим себе задачей раскрыть смену временных планов в отдельных строфах романа «Евгений Онегин», имеющих описательный характер.

В VII строфе седьмой главы дается описание могилы Ленского:

На ветви сосны преклоненной,
Бывало, ранний ветерок
Над этой урной смиренной
Качал таинственный венок.
Бывало, в поздние досуги
Сюда ходили две подруги,

¹ Гл. Глебов. *Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина*. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, № 2, М.—Л., стр. 198.

² В. В. Виноградов. *Стиль «Пиковой дамы»*. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, № 2, М.—Л., стр. 135—136.

И на могиле при луне,
 Обнявшись, плакали оне.
 Но ныне... памятник унылый
 Забыт. К нему привычный след
 Заглох. Венка на ветви нет;
 Один, под ним, седой и хилый
 Пастух по-прежнему поет
 И обувь бедную плетет.

В этой строфе, построенной вполне симметрически (по формуле $4 + 2 + (3 + 3)$,³ резко противопоставлены друг другу два временных плана — план уже отдалившегося прошлого (на что указывает частица «бывало») и план переживаемого поэтом настоящего («ныне»). Это противопоставление подчеркнуто союзом «но» и отмечено в беловом автографе разделительной чертой в конце второго четверостишия. Временной план прошлого выражен «имперфектными» формами прошедшего несовершенного (качал, ходили, плакали). Временной план «настоящего» устанавливается причастной и глагольной формами с перфектным значением (забыт, заглох), выделенными стиховым переносом типа гејет и начальной позицией в строке, а также значением настоящего времени в сказуемых двух последующих предложений (нет, поет, плетет). При этом примечателен постепенный переход от причастной формы «забыт», фиксирующей в настоящем прошлое как состояние, к глагольной форме прошедшего совершенного, в которой прошлое присутствует в настоящем как его результат («заглох»), и уже после этого к глагольным формам настоящего времени для обозначения побочного действия, которое воспринимается как деталь описания.

Несколько иной характер получает смена временных планов в I строфе пятой главы романа, в которой синтаксически не ограничено ни одно четверостишие. Вся эта строфа с глубоким стиховым переносом в начале V строки представляет собой очень тесное сложное синтаксическое единство. Привожу ее в пунктуации белового автографа, дающей несколько иную синтаксическую конфигурацию строфы по сравнению с канонизированным печатным текстом:

В тот год осенняя погода
 Стояла долго на дворе.
 Зимы ждала, ждала природа —
 Снег выпал только в январе:
 На третье в ночь. Проснувшись рано,
 В окно увидела Татьяна
 Поутру побелевший двор,
 Куртины, кровли и забор,
 На стеклах легкие узоры
 Деревья в зимнем серебре
 Сорок веселых на дворе

³ Н. С. Поспелов. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., 1960, стр. 89.

И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

Формы с имперфектным значением в сказуемых не выходят в этой строфе за границы трех начальных строк. Основной временной план строфы дается глагольными формами перфектного значения (выпал, увидела), указывающими на самый переход от осени (в прошлом) к зиме (в настоящем). Строфа завершается однострочной концовкой («Все ярко, все бело кругом»), в которой зима изображается как уже наступившее настоящее.

Примечательны случаи, когда Пушкин в работе над строфой вносит в нее усложнение ее временного плана, что мы наблюдаем в I строфе седьмой главы и XXXIX строфе восьмой главы романа.

Первое четверостишие I строфы седьмой главы представляет собою в общем временном плане строфы «перфектное» вступление, в котором прошлое воспринимается в его результате, который оно имеет в уже наступившем настоящем:

Гонимы вешними лучами
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.

Вся последующая часть строфы дана во временном плане настоящего, выраженного глагольными формами настоящего времени, и только в последней строке временной план сдвигается, и глагол-сказуемое, временное значение которого подчеркнуто частицей «уж», дается в перфектном значении:

Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синяя блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Примечательно, что в первоначальном черновом варианте в последней строке строфы стояла форма настоящего времени:

Поет в безмолвии ночей.

Замену формы настоящего времени формой перфектного значения (на это значение указывает и частица уж) следует, по видимому, объяснить стремлением поэта подчеркнуть концовочный характер последней строки, объединив ее в более широком плане, чем значение настоящего времени, с перфектным значением сказуемого в первом четверостишии строфы.

В тех случаях, когда пушкинские описания представляются нам одноплановыми, не указывающими на смену временных планов, это следует считать иллюзией, потому что в таких случаях не принимается в расчет весь контекст, в котором мы находим это описание. Таково, например, знаменитое, вошедшее во все хрестоматии описание осени в XL строфе четвертой главы «Евгения Онегина». Но в контексте романа оно неотделимо от описания зимы в следующей XLI строфе, да и в составе XL строфы оно неотделимо от краткой характеристики «северного лета» в первом четверостишии этой строфы. Приведем весь этот описательный комплекс в целом:

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.

Характеристика северного лета в начальном четверостишии строфы образует первый временной план этого сложного описания русской природы, в котором временным значением сказуемого «мелькнет и нет» (самим сочетанием будущего совершенного в значении прошедшего и отрицательным «нет» в настоящем) прекрасно выражена вся мимолетность северного лета. Этому временному плану «неустойчивого» настоящего противопоставлено в основном составе строфы (на что указывает и разделительная черта в белом автографе) имперфектное значение форм прошедшего несовершенного с тем особым оттенком, на которое указывает троекратное употребление частицы «уж», подчеркивающей наступление действий, обозначенных глагольными формами прошедшего несовершенного:

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Следующая XLI строфа этого описательного комплекса представляет собою его третий временной план, данный в формах настоящего времени с значением «наступающего» настоящего. В этом временном плане находит себе место и перфектное значение прошедшего совершенного в глаголе «умолк»:

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный

Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке распевая, дева
Прядет, и зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

Сложный временной комплекс XIV главы завершается начальными стихами XLII строфы:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей. . . —

указывающими формами «раскрытого» настоящего с частицей «уж» на наступление зимы.

Описание уже наступившей зимы мы находим в XXX строфе седьмой главы романа. Это описание начинается в предшествующей XXIX строфе. Построенная асимметрически, она делится пополам резким переходом от описания прощальных прогулок Татьяны к краткому описанию осени. В черновом автографе граница между этими двумя частями строфы отмечена тройной разделительной чертой, а в беловом автографе союз «и», начинавший 8-й стих строфы, заменен союзом «но», подчеркивавшим резкость перехода от одной половины строфы к другой ее половине:

Ее прогулки длятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Остановляют поневоле
Татьяну прелестью своей.
Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Еще беседовать спешит
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва, пышно убрана. . .
Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

В первой половине этой строфы временной план строится формами настоящего времени в узком значении отдельных действий. Во второй половине строфы временной план настоящего носит широкий устойчивый характер; здесь предложения со значением настоящего времени глагольные и именные (природа трепетна, бледна) перемежаются с предложениями, в которых сказуемые выражены формами перфектного значения — глагольными (настала, дохнул, завыл) и причастными (убрана). Последняя строчка:

Идет волшебница зима —

с глаголом в значении настоящего нераскрытого служит переходом к следующей, XXX строфе. Эта строфа в соответствии с ее

метрическим членением делится на две неравные части. Первые два четверостишия дают картины зимы во временном плане широкого настоящего с глаголами сказуемыми перфектного значения, а вторая ее часть (в формах настоящего времени) изображает душевное состояние героини романа:

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьяне страшен зимний путь.

Перфектные формы сказуемых в первой части строфы подчеркнуты начальной позицией в строках. Последнее предложение этой части с именным сказуемым (рады) в значении настоящего времени является переходом ко второй части строфы. Последняя строка строфы указывает на содержание следующих строф.

Сделанные нами беглые и неполные наблюдения над синтаксическим строем пушкинских описаний в романе «Евгений Онегин» позволяют нам еще раз подчеркнуть динамизм творчества Пушкина и дают, как нам кажется, возможность убедиться в том, что описания у Пушкина в «Онегине» никогда или почти никогда не замыкаются в узкие границы одного временного плана, а почти всегда дают картину природы и жизни в их переходе от прошлого к настоящему, в их внутреннем движении, в смене временных планов в соответствии с движением и жизнью того, что в них отражается.

И. Л. Андроников¹

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТИЛЕМ ЛЕРМОНТОВА

1

Для лирической поэзии Лермонтова, — мне уже приходилось писать об этом, — характерна устно-разговорная интонация:¹ иные из его стихотворений напоминают реплику в споре, другие —

¹ Ираклий Андроников. Несколько слов о поэзии Лермонтова. В кн.: М. Ю. Лермонтов. Лирика. М., 1963, стр. 9—10.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПОЭТИКА
И СТИЛИСТИКА
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА
ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА
ВИНОГРАДОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1971